

ского В. И. Лукина в кабинет-секретари, а Фонвизина — в титулярные советники с жалованьем обоим из Кабинета по 500 рублей в год. Из списков Коллегии иностранных дел Фонвизин был выключен 8 декабря того же года.³ Это произошло после первых театральных успехов Лукина и Фонвизина в связи с представлением «Ревнивого, из заблуждения выведенного» и «Кориона». Елагин чисто бюрократически объединял под своей рукой людей близких литературных взглядов.

Единство елагинского кружка было недолгим. Дальнейшие пути независимого дворянина Фонвизина и служилого литератора Лукина и в литературе и в жизни оказались глубоко различными.

В третий год службы у Елагина Лукин подал прошение на высочайшее имя. «Службу мою, всемилостивейшая государыня, — писал он, — продолжал я пятнадцать лет; и быв подпоручиком, служил в трех походах в прусскую войну с должным усердием.⁴ И наконец настоящий мой чин получа и чтя его великою для себя милостию, вечно и с сердечным желанием продолжал бы я службу мою, но непредвидимый для меня гибельный случай лишает сего удовольствия. В три года каждую зиму случившиеся одипакие болезни учинили меня к трудам, с должностию моею сопряженным, вовсе неудобным». В связи с этим Лукин просил «об увольнении от службы; не вечно, но для пользования моего от болезни, со всемилостивейшим в чужие края на два года увольнением, в такое место, куда мне лейб-медик Круз непременно ехать для моего спасения советует; и с пожалованием мне, как ничего неимущему, и еще по малополучаемому жалованью и долги нажившему, из высочайшей щедрости на время моего в чужих краях пребывания, как на пропитание, так и на проезд». Он заверял также, что поездка будет небесполезной и для его служебных запятий: «А остальное время моего в чужих краях бытия употребится на приобретение познания в языках чужестранных, а паче в том, что мою к службе способность умножить может». В заключение проситель дипломатично намекал, что его просьба не вызывает возражения со стороны непосредственного начальства: «А что я действительно болен, свидетельствуюсь в том моим начальником».

Елагин действительно сделал все возможное, чтобы устроить дела своего подопечного. Разрешение на поездку, выдача жалованья и паспортов были оформлены за неделю со 2 по 8 февраля. По первоначальному проекту Лукин должен был получить жалованье в зачет 1767 г. и полностью за следующий год. Елагин обратился к А. В. Олсуфьеву с личным письмом о Лукине (8 февраля), чтобы ему, так как он едет «не только на год, но и

³ ЦГАДА, ф. 11, д. 1015, л. 7—14.

⁴ Ср. его аттестат в «Сочинениях и переводах» (с. 512), где значится, что он прибыл в Пруссию в 1760 г.